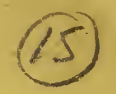
И. Гофштеттеръ.

ПОЭЗІЯ ВЫРОЖДЕНІЯ

философскіе и психологическіе мотивы декадентства.

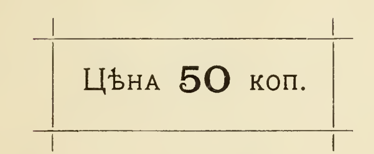

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая улица, д. № 18.

И. Гофштеттеръ.

ПОЭЗІЯ ВЫРОЖДЕНІЯ

философскіе и психологическіе мотивы декадентства.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, Гороховая улица, д. № 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 сентября 1902 г.

Милому Николаю Павловичу от автора 1 октяб. 1903 г.

„Декадентство“ давно уже стало у насъ моднымъ, ежедневно повторяющимся словомъ, но внутренній смыслъ его и по сей день для многихъ остается загадочнымъ и непонятнымъ. Въ русской журналистикѣ, кажется, впервые заговорилъ о немъ Н. К. Михайловскій. Съ легкой руки Макса Нордау онъ охарактеризовалъ творчество Верлэна и Метерлинка, какъ болѣзненное явленіе западной поэзіи, какъ уродливый наростъ на ней—нѣчто среднее между разсчитаннымъ шарлатанствомъ и мистификаторствомъ съ одной стороны, и литературнымъ бредомъ вырождающихся графомановъ—съ другой. Въ муссорѣ дѣйствительнаго шарлатанства и мистификаторства нѣкоторыхъ сомнительныхъ представителей школы русскій критикъ не нашелъ ни одного здороваго зерна и не призналъ за новой поэзіей абсолютно никакихъ правъ на будущее. Правда, въ позднѣйшихъ статьяхъ онъ какъ бы чувствуетъ недостаточность своего перваго діагноза, видитъ необходимость установить какую-нибудь связь между декадансомъ и общими условіями умственной жизни Франціи. На стр. 48-ой II-го тома „Литературныхъ воспоминаній“ читаемъ: „Со стороны философской, поскольку можно говорить о ней въ примѣненіи къ людямъ, весьма мало свѣдущимъ и совершенно безпорядочно мыслящимъ, декадансъ реагируетъ противъ позитивизма.“ Въ этомъ признаніи оговорка убиваетъ главную мысль. Авторъ такъ и не рѣшаетъ интереснаго вопроса: поскольку же, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ какой-нибудь смыслъ говорить о философіи въ примѣненіи къ невѣждамъ, блягерамъ, къ психопатамъ, къ сумасшедшимъ, къ людямъ, у которыхъ каша въ головѣ, какими онъ обозвалъ ихъ на предшествующей страницѣ? Еще через страницу возникновеніе декадентства онъ объясняетъ тѣмъ, что „проснулась верховная потребность человѣческаго духа“, и тутъ же опять спѣшитъ сдѣлать сразу двѣ оговорки: во-первыхъ, „проснулась она не въ однихъ символистахъ,“ а, во вторыхъ, „онъ даже сомнѣвается, чтобы она въ нихъ настояще проснулась“. Словомъ, рядъ вынужденныхъ признаній, которыя онъ сейчасъ же торопится взять назадъ, оста-

ваясь при старомъ разумѣніи декаданса, какъ амальгамы изъ невѣжества и психопатіи. Таковъ смертный приговоръ, произнесенный декадентамъ наиболѣе популярнымъ и влiятельнымъ русскимъ критикомъ, типичнымъ мыслителемъ трезваго разума, философомъ здраваго смысла...

Въ томъ же духѣ высказался и другой критикъ изъ эпохи 60-хъ годовъ—В. П. Буренинъ. Ихъ отношеніе къ новому движенію совершенно тождественно: одинъ, прочитавъ всю литературу современнаго европейскаго символизма, извлекъ изъ нея и привелъ въ своемъ изслѣдованіи нѣсколько десятковъ нелѣпыхъ образовъ, вродѣ „бѣлыхъ павлиновъ скуки", „лиловыхъ сновъ", „зеленаго покоя" и пр., а другой написалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе остроумныхъ пародій, пустивъ въ обиходъ множество преувеличенно карикатурныхъ выраженій, вродѣ: „голубыхъ звуковъ", „желтыхъ собакъ ненависти" и т. п.

Къ этой же группѣ первыхъ гонителей декадентства долженъ быть отнесенъ и покойный Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, вооружившійся противъ представителей новаго теченія бичомъ сатиры и буренинской пародіи, хотя по своимъ мистическимъ наклонностямъ онъ былъ совершенно чуждъ Буренину и Михайловскому съ ихъ самодовольнымъ и уравновѣшеннымъ позитивизмомъ. Однако, едва ли не рѣзче всѣхъ ихъ отозвался о декадентствѣ нашъ геніальный писатель Л. Н. Толстой.

Если мы суммируемъ всѣ приведенные отзывы и мнѣнія, то картина получится очень неутѣшительная: декадентство—вздоръ, глупость и безсмыслица! декадентство — бредъ умопомѣшанныхъ графомановъ!—вотъ что въ одинъ голосъ говорятъ наши великіе, большіе и малые писатели, всѣ руководители общественнаго мнѣнія Россіи. Замѣчательно, что въ этомъ приговорѣ сходятся писатели самыхъ разнообразныхъ міросозерцаній и направленій, зачастую ни въ чемъ остальномъ не имѣющіе между собою ничего общаго: Толстой согласенъ съ Михайловскимъ, Соловьевъ съ Буренинымъ и т. д. Каковы бы ни были ихъ исходныя точки, выводъ одинъ: декадентство—чепуха. Всѣ дороги ведутъ въ этотъ Римъ.

Между тѣмъ, это движеніе, такъ презрительно игнорируемое корифеями всѣхъ направленій, не только не думаетъ умирать подъ тяжестью смертнаго приговора, произнесеннаго авторитетнѣйшими людьми нашего поколѣнія, но благополучно растетъ и развивается съ каждымъ днемъ. Съ „гнилого" Запада зараза декадентства перенеслась и къ намъ,

нашла своихъ адептовъ въ лицѣ цѣлой группы молодыхъ писателей, а эти писатели въ свою очередь находятъ своихъ поклонниковъ въ публикѣ. Легкій налетъ декадентсва, доходящій до явнаго подражанія Метерлинку, чувствуется, между прочимъ, и въ послѣдней драмѣ Ан. Чехова „Три сестры". Великъ или малъ успѣхъ русскихъ декадентовъ—это уже другой вопросъ, но разъ поэты пишутъ въ этомъ направленіи, слѣдовательно есть извѣстный спросъ на символизмъ и въ нѣдрахъ общества есть соотвѣтствующія декадентскія теченія мысли. Наличность этихъ теченій, ихъ несомнѣнная жизненность и быстрый ростъ дѣлаютъ ихъ заслуживающими вниманія вдумчивой и объективной критики, которая, не замыкаясь въ старыхъ шаблонахъ, захотѣла бы добросовѣстно разобраться въ новыхъ явленіяхъ, отдѣлить истинный декадансъ отъ примазывающагося къ нему въ погонѣ за оригинальностью мелкаго литературнаго и художественнаго шарлатанства. Серьезная критика не должна соблазняться ни легкостью огульнаго отрицанія, ни дешевымъ успѣхомъ пародій, которыя льстятъ непониманію и самодовольной ограниченности толпы, чувствующей свое духовное превосходство надъ авторами, способными восклицать по невѣдомому поводу и адресу: „О, закрой свои блѣдныя ноги!" или воспѣвать „фіолетовыя руки на эмалевой стѣнѣ".

Для того, чтобы выйти на вѣрную дорогу, нужно прежде всего не забывать той старой истины, что смѣна эстетическихъ школъ ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ общему ходу человѣческой мысли, различнымъ фазамъ нашего міросозерцанія. Такъ господствовавшій въ теченіе послѣдняго полустолѣтія натурализмъ въ искусствѣ былъ только эстетическимъ выраженіемъ позитивизма, господствовавшаго въ сферѣ отвлеченной мысли въ европейской наукѣ и философіи. Бальзакъ, Флоберъ, Зола—это не только сверстники, но и продолжатели Конта, Литтре, Клода Бернара и проч. Въ другой сферѣ они дѣлали то же дѣло, служили одной и той же „идеѣ вѣка". Пріемы и методы „опыта и наблюденія", провозглашенныхъ единственными источниками познанія, они переносили изъ естественныхъ наукъ въ художественное творчество. Возникновеніе новыхъ вѣяній въ поэзіи служитъ вѣстникомъ коренного переворота въ самыхъ основахъ, въ самыхъ глубинахъ современной европейской мысли. Для того, чтобы понять, что говоритъ поэзія, надо прислушаться къ тому, что переживаетъ философ-

ская мысль. Задача критики, желающей истолковать декадентство,—найти философскій ключъ къ этому условному художественному шифру, разгадать языкъ загадочныхъ и таинственныхъ поэтическихъ іероглифовъ.

* * *

XIX вѣкъ похоронилъ метафизику, поколебалъ теологію и создалъ позитивизмъ. Его разрушительная работа оказалась гораздо сильнѣе созидательной. Научное міросозерцаніе удовлетворило сравнительно очень немногіе умы и притомъ на очень короткое время. Позитивизмъ господствовалъ не какъ система, а какъ проблема, какъ жгучая потребность имѣть точные и ясные отвѣты на всѣ вопросы,—потребность, неудовлетворяемая тѣмъ, что онъ самъ могъ дать своимъ адептамъ. Онъ окончательно выяснилъ, что всякое знаніе относительно и что основные вопросы разума неразрѣшимы, но не объяснилъ, какимъ образомъ въ относительномъ разумѣ могутъ возникать вопросы абсолютнаго знанія, не успѣлъ понять, какая міровая, почти космологическая драма скрыта въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи нашей духовной природы. Онъ глубоко и навсегда дискредитировалъ своихъ предшественниковъ и, умирая, не оставилъ послѣ себя никакихъ преемниковъ. Духовная жизнь поколѣнія, на долю котораго выпала печальная участь быть свидѣтелемъ его смерти и разложенія, превратилась въ какое-то пустынное и безконечно мрачное вымороченное царство. Оно живетъ среди кладбища, гдѣ есть только трупы прошлаго, но гдѣ не можетъ родиться будущее. Сошедшій въ могилу властитель думъ оставилъ послѣ себя много кредиторовъ—милліоны голодныхъ душъ, не способныхъ довольствоваться на высшіе запросы разума смутными, неясными и произвольными метафизическими и мистическими отвѣтами. Выраженіемъ этого-то голода умовъ и сердецъ и явилось декадентство, понимаемое въ общей сложности его проявленій. Невозможность найти строго логическое основаніе жизни вызвала реакцію противъ логики и преклоненіе передъ безсознательными началами нашей психики, ту смѣлость въ нелогическихъ построеніяхъ образовъ, которая такъ поражаетъ позитивныхъ критиковъ. Неудовлетворенная и неудовлетворимая жажда высшей гармоніи выродилась въ больную поэзію диссонансовъ. Декадентство—это продуктъ естественнаго распада призрачнаго единства нашихъ интеллектуальныхъ силъ, самоотрицаніе разума, неспособнаго удовле-

творить свои собственные запросы. Поэзія всегда идетъ впереди философіи. Въ то время какъ методы положительнаго знанія только еще формулировались мыслителями, геніальные поэты вѣка отражали въ своихъ произведеніяхъ глубокую скорбь безнадежнаго отрицанія. Они проливали пророческія слезы на развалинахъ зданія, которое только еще воздвигалось великими архитекторами отвлеченной мысли. Современный декадентъ —это безсознательный выродокъ двухъ могущественныхъ теченій истекшаго вѣка—пессимизма и скептицизма, которые послѣ крушенія позитивной философіи стали господствующими не только въ поэзіи, но и въ общемъ умонастроеніи эпохи. Сравнительно съ первыми представителями пессимистической поэзіи въ немъ выработались новыя черты. Міровая скорбь эволюціонируетъ и въ своихъ мотивахъ и съ своихъ проявленіяхъ. Болѣзненный процессъ распространился отъ центровъ къ периферіи, изъ области отвлеченныхъ идей перешелъ въ область чувствъ, эмоцій и преобразовалъ даже весь строй внѣшнихъ воспріятій. Декадентъ—пессимистъ, примирившійся со своимъ отрицаніемъ, скептикъ, пережившій свое безвѣріе. Онъ или ни во что не вѣритъ, или все отрицаетъ, какъ и его великіе прародители: Байронъ, Лермонтовъ, Леопарди,—но личность тѣхъ болѣе цѣльная и наивно-непосредственная, такъ сказать, тонула въ ихъ міровомъ протестѣ, изсякала въ титаническихъ проклятіяхъ, тогда какъ декадентъ, не найдя никакого принципіальнаго примиренія съ жизнью, преспокойно благодушествуетъ въ свое удовольствіе въ сей юдоли тоски и томленія. Жизнь осталась, но то, что давало смыслъ, цѣль, содержаніе и нравственный устой жизни—животворящій идеалъ, религія, вѣра,—исчезло. Въ какія же новыя формы должна уложиться вся внутренняя психика человѣка, поставленнаго въ такія невозможныя интеллектуальныя и моральныя условія? Какая бездна новыхъ особенностей, новыхъ чувствъ, мыслей и ощущеній, невѣдомыхъ поколѣніямъ наивной вѣры и положительнаго міросозерцанія!

Прежде всего съ упраздненіемъ идеала разрывается всякая логическая связь человѣческой души съ внѣшнимъ міромъ, съ окружающею общественною жизнью. Все, что происходитъ вокругъ, должно поэтому представляться декаденту въ видѣ безконечнаго ряда разрозненныхъ, отрывочныхъ явленій, безсмысленныхъ, безсвязныхъ. У него нѣтъ ни твердыхъ принциповъ, ни опредѣленныхъ взглядовъ, ни установившихся отноше-

ній—никакого критерія, съ помощью котораго онъ могъ бы хоть сколько-нибудь разобраться въ безпорядочной сумятицѣ явленій и фактовъ; для личнаго поведенія у него нѣтъ и не можетъ быть никакой морали, никакихъ правилъ, никакого кодекса. Внѣшній міръ съ его разрозненными, ни въ какія категоріи не укладывающимися явленіями долженъ производить на декадента впечатлѣніе какого-то бреда наяву, нескончаемаго кошмара съ открытыми глазами; чувство дѣйствительности окружающаго должно у него постепенно атрофироваться и временами почти совершенно исчезать. Настроеніе, откуда бы оно ни рождалось, каково бы оно ни было, является единственнымъ руководителемъ его поступковъ, единственнымъ стимуломъ его дѣятельности, его единственною моралью, философіею и даже единственною реальностью.

* * *

Литературный декадансъ представляетъ собою не что иное, какъ сплошную поэзію настроенія. Едва ли не самымъ типичнымъ декадентомъ долженъ быть названъ въ этомъ отношеніи Верлэнъ. Въ „L'art poétique“ этотъ глава французскихъ декадентовъ поучаетъ своихъ послѣдователей, что въ стихахъ не нужно „ни направленія, ни содержанія, ни даже сюжета“, нужна только музыка словъ, отрывочные, неясные звуки, которые передавали бы неуловимую музыку настроеній съ ихъ тончайшими оттѣнками. Яркимъ краскамъ онъ предпочитаетъ „все разрозненное и неопредѣленное, какъ бы витающее въ воздухѣ“, рекомендуетъ избѣгать „жестокаго разума“, „надоѣдливыхъ остротъ“, „нечистаго смѣха“, пошлаго краснорѣчія и звонкихъ риѳмъ. Въ его собственныхъ стихахъ настроеніе явно господствуетъ на счетъ образовъ, чувство—на счетъ сознанія. Для усиленія настроенія онъ первый, если не считать Эдгара По, сталъ прибѣгать къ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же словъ и фразъ, совершенно не допустимымъ въ логической литературѣ, но прекрасно выражающимъ подавленное состояніе души, угнетаемой „навязчивыми идеями“. Ему же принадлежитъ и починъ въ созданіи антилогичныхъ сочетаній понятій, представляющихъ собою съ точки зрѣнія строгихъ реалистовъ явный абсурдъ. Еще дальше Верлэна пошелъ въ этомъ направленіи Метерлинкъ, лирическія стихотворенія котораго состоятъ изъ сплошныхъ аллогизмовъ. Образчикомъ этой лирики служитъ извѣстное стихотвореніе „Скука“, въ которомъ говорится о „бѣлыхъ пав-

линахъ, улетѣвшихъ отъ скуки пробужденія“, о „времени безъ солнца“ и пр. Послѣдній образъ „время безъ солнца“, при всей своей странности все же непосредственно говоритъ воображенію. Тѣ же пріемы непосредственнаго воздѣйствія на настроеніе зрителей какъ бы помимо образовъ и содержанія произведенія онъ перенесъ изъ лирики въ драму.

Въ его символическихъ драмахъ много таинственнаго и загадочнаго, и если онѣ производятъ такое сильное впечатлѣніе, то потому, что и въ насъ самихъ, и въ окружающемъ насъ реальномъ мірѣ такъ много остается еще таинственнаго и непонятнаго. Вліяя на настроеніе не столько ходомъ дѣйствія, сколько мелкими аксессуарами, онъ невольно заставляетъ насъ нервно вслушиваться въ сумерочные и ночные шорохи жизни, неслышные при дневномъ грохотѣ и свѣтѣ, учитъ углубляться въ смутныя ощущенія и дремотныя полумысли, которыя обыкновенно замираютъ, не доходя до сознанія. Его пьесы похожи на тяжелыя сновидѣнія. Въ нихъ почти нѣтъ живого, развивающагося и движущагося дѣйствія, оно замѣнено обрисовкой даннаго, въ сущности неподвижнаго положенія, длительнымъ раскрытіемъ психологическаго момента. Надъ сумбуромъ фантастическихъ образовъ, среди повторяющихся восклицаній, отрывочныхъ междуметій господствуетъ одна какая-нибудь гнетущая мысль, одно кошмарное, химерическое ощущеніе. У Метерлинка живутъ и двигаются не реальные люди, а безплотные призраки, почти лишенные притомъ же индивидуальности, но ихъ фантастическія страданія отражаютъ то, что чувствуютъ живые зрители, несравненно полнѣе и глубже, чѣмъ тысячи вполнѣ реальныхъ героевъ. Безспорно, самая сильная, самая потрясающая драма его—это „Слѣпые“. Слѣпцы, покинутые въ лѣсу умершимъ поводыремъ-священникомъ, ихъ тревога вокругъ его трупа, ихъ отчаяніе передъ неминуемою гибелью—это подавляющее ощущеніе окружающей васъ темной пропасти, эта мистика ужаса заставляетъ содрогаться всякаго, кому сколько-нибудь открытъ внутренній смыслъ аллегорической картины. Это уже не литература, а скорѣе какое-то апокалипсическое откровеніе, неожиданно раскрывающее передъ вами темныя бездны грядущаго. Въ искусствѣ приводить въ движеніе самыя глубокія струны психики читателя съ помощью внѣшнихъ пріемовъ Метерлинкъ имѣлъ только одного предшественника въ лицѣ Эдгара По. Вспомните его „Ворона“— сколько ужаса въ постоянно повторяющемся

словѣ „никогда“ (Nevermor! Nevermor!). И ужасъ этотъ несравненно шире и глубже, чѣмъ положеніе, переживаемое героемъ поэмы, бесѣдующимъ съ черной птицей. Помимо всего, помимо всѣхъ обстоятельствъ: утраты любимой жены, горя одиночества, безнадежной сиротливости жизни, человѣческому уму страшно вслушиваться въ слово „никогда“, страшно потому, что въ немъ мысль наша реально осязаетъ самое вѣчность, хотя и въ отрицательномъ ея выраженіи. Это тяжелое, леденящее ощущеніе и составляетъ основной мотивъ, главное психическое содержаніе знаменитой поэмы.

Такимъ образомъ, судя только по упомянутымъ представителямъ школы, можно сдѣлать заключеніе, что декадентство, какъ поэзія настроенія, въ эстетическомъ отношеніи внесло съ собою очень много: оно расширило сферу сознательнаго и логическаго творчества необъятною сферою безсознательныхъ процессовъ человѣческой психики, безконечно богатою областью сверхлогическаго. Если художники-реалисты обращались преимущественно къ логическому сознанію читателя, то новая поэзія, по удачному выраженію Шарля Мориса, „мечтаетъ воздѣйствовать всѣмъ искусствомъ на всего человѣка“.

* * *

Установивъ по литературнымъ даннымъ, что сущность декадентства заключается въ полномъ и безпредѣльномъ господствѣ настроенія, интересно прослѣдить психику „человѣка настроеній“, этого героя нашего времени. Можно думать, что среди насъ въ живой жизни скрывается гораздо больше истинныхъ декадентовъ, чѣмъ сколько выступаетъ ихъ въ литературѣ. Такой тайный декадентъ начинаетъ съ возвращенія къ страстямъ и съ обожествленія страстей. Образующуюся въ душѣ пустоту онъ усиленно ищетъ заполнить какими-нибудь ощущеніями. Онъ можетъ опьянять себя развратомъ, трудомъ, подвигомъ, преступленіемъ, молитвой, азартной игрой, благочестіемъ, цинизмомъ — чѣмъ угодно. Онъ можетъ активно вмѣшиваться въ окружающую жизнь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Напримѣръ, французскій теоретикъ декаданса Барресъ объявилъ, что наше собственное „я“ является единственною несомнѣнною реальностью, всякія же моральныя идеи, до идеи „отечества“ включительно, — давно разбитые сомнѣніемъ идолы; но это нисколько не помѣшало ему затесаться въ политическую свалку нашихъ дней въ качествѣ яраго сторонника на-

ціонализма и буланжизма. Человѣкъ настроенія можетъ быть какимъ угодно дѣятелемъ, можетъ даже жизнью жертвовать за „идею“, но при всемъ томъ въ самой кипучей внѣшней суетнѣ его дѣятельности не трудно уловить основную черту декадентства—именно фиктивность соприкосновенія его съ жизнью: въ сумятицѣ житейской борьбы его интересуетъ не „идея“, въ которую онъ часто не вѣритъ, не результаты, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла, не интересы живыхъ людей, къ которымъ онъ, въ сущности, совершенно равнодушенъ, а только самый ажіотажъ борьбы, только то головокруженіе, которое она приноситъ борцу. Ему важно его собственное волненіе, испытываемое при капризныхъ переходахъ счастья, а чѣмъ бы оно ни доставлялось — побѣдою или пораженіемъ его знамени, не все ли равно! При всякихъ вмѣшательствахъ въ жизнь декадентъ является не дѣятелемъ общественной борьбы, а лишь спортсмэномъ ея. Въ обыденной жизни роль декадента опредѣляется чисто внѣшней случайностью. Онъ никогда не знаетъ, куда увлекутъ его его внутреннія настроенія и пассивно плыветъ по теченію фактовъ и случайныхъ обстоятельствъ жизни. Хватаясь за первую попавшуюся роль, столь же. далекую его внутренней сущности, какъ и всякая другая, онъ постепенно входитъ въ нее, какъ актеръ, увлеченный собственной игрой. Онъ очень легко и часто впадаетъ въ приподнятый тонъ, стараясь искусственнымъ паѳосомъ разогрѣть холодную апатію сердца и прикрыть мертвенно-безразличное отношеніе ко всему на свѣтѣ. Онъ очень близокъ къ великому прототипу многихъ скорбей современности—къ принцу Гамлету, который взвинчиваетъ, настраиваетъ и, такъ сказать, подгоняетъ себя къ рѣшеніямъ и поступкамъ краснорѣчіемъ собственныхъ монологовъ. Декадентъ часто не то говоритъ, что чувствуетъ, а то чувствуетъ, что говоритъ. Ощущенія иногда не болѣе какъ эхо собственной декламаціи въ пустой душѣ декадента. Онъ диктуетъ себѣ мысли и настроенія, и это систематическое самовнушеніе замѣняетъ ему реальныя чувства нормальнаго человѣка. Стоитъ ему объясниться въ любви, чтобы почувствовать себя страстно влюбленнымъ. Но стоитъ отдаться теченію иныхъ настроеній, и онъ такъ же неожиданно и такъ же искренно, какъ великій скептикъ Гамлетъ, говоритъ псевдолюбимой женщинѣ: „Офелія, я не люблю тебя. Иди въ монастырь и не рожай на свѣтъ мерзавцевъ“ и проч., и проч. Отъ любовныхъ изліяній онъ легко переходитъ къ циническимъ выходкамъ

съ тѣмъ, чтобы потомъ надъ гробомъ Офеліи патетически воскликнуть, что любилъ ее, „какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ"... Но плачетъ ли декадентъ надъ гробомъ невѣсты, любитъ ли онъ, сгорая въ страстныхъ діалогахъ, дерется ли за честь ея, готовый и убить, и умереть,—душою онъ всетаки безконечно далекъ отъ нея, чувство не захватываетъ его цѣликомъ, не составляетъ внутренней реальности его сердца, дѣйствительной правды его жизни: личность Офеліи для него въ этомъ смыслѣ несравненно менѣе реальна, чѣмъ тѣнь Гамлета-отца. Онъ живетъ только тѣнью лицъ и событій, преломляющеюся игрою ихъ отраженія въ его душѣ. Его монологи могутъ быть краснорѣчивы, но его поцѣлуи холодны, его объятія безсильны, его слезы не горьки. Онъ любитъ безъ жертвъ и жертвуетъ собою безъ любви. Онъ живетъ выдуманными интересами и подсказанными самому себѣ чувствами. Онъ актерствуетъ, даже умирая, и лжетъ самимъ фактомъ смерти за идею, въ которую не вѣритъ, или за женщину, которую не любитъ. Это любовникъ подмостковъ и рыцарь картоннаго меча. И женщина, которую онъ любитъ, и идея, за которую онъ умираетъ, для него не болѣе какъ та фиктивная Гекуба, которая заставляетъ такъ искренно рыдать актера передъ подавленнымъ безсиліемъ собственныхъ страстей Гамлетомъ. Въ притворныхъ рыданіяхъ актера больше реальнаго страданія, больше дѣйствительнаго чувства, чѣмъ въ драматическихъ коллизіяхъ реальной жизни Гамлета, хотя... „что ему Гекуба? что онъ Гекубѣ?"

Декадентъ переживаетъ реальныя драмы изъ за Гекубъ, какъ этотъ актеръ, и въ то же время не испытываетъ никакого дѣйствительнаго чувства отъ переживаемыхъ драмъ, какъ Гамлетъ. Онъ утратилъ способность непосредственнаго ощущенія и не можетъ даже отдать себѣ яснаго отчета, дѣйствительно ли онъ счастливъ въ объятіхъ любимой женщины или только считаетъ себя такимъ по установившимся традиціямъ. Любуясь рѣчнымъ пейзажемъ при лунномъ освѣщеніи, онъ не знаетъ, прекрасенъ ли пейзажъ самъ по себѣ или же только кажется прекраснымъ по заученнымъ съ дѣтства описаніямъ Пушкина. Все, что происходитъ съ декадентомъ и вокругъ него, происходитъ какъ будто не въ самомъ дѣлѣ. Иллюзіи кажутся дѣйствительностью, дѣйствительность—иллюзіей. Жизнь смѣшивается съ грезами фантазіи и всѣ ощущенія сливаются въ одномъ смутномъ чувствѣ—фикціи жизни.

Эта отрѣшенность отъ внѣшняго міра и выте-

кающая отсюда фиктивность душевныхъ состояній распространяются на всѣ чувства декадента, даже на самыя отвлеченныя: онъ не только фиктивно любитъ, фиктивно борется и фиктивно страдаетъ, онъ умѣетъ даже фиктивно молиться. Образцомъ религіознаго декадентства можетъ служить геніальнѣйшій скептикъ прошлаго вѣка—Ренанъ. Онъ не просто скептикъ, а скептикъ примиренный, успокоенный. Сознавъ тщету разума, Ренанъ благоразумно обратился къ вѣрѣ. Такимъ образомъ возникъ любопытный типъ вѣрующаго скептика. Во имя истины онъ не вѣритъ въ науку и логику, но въ силу необходимости исхода вѣритъ въ религію. При этомъ обращеніи къ Богу центръ тяжести, конечная цѣль полагается имъ не въ Богѣ, а въ немъ самомъ, въ Ренанѣ, въ его душевномъ спокойствіи, чуть лишь не въ правильномъ пищевареніи. Какъ глубоко и какъ типично разнится эта эгоистическая, разсчетливая, культурная религіозность отъ подвижнической жажды Бога въ душѣ простыхъ людей! Интересно сравнить въ этомъ отношеніи Ренана съ нашимъ Достоевскимъ. Достоевскій—истинный подвижникъ съ мистическимъ оттѣнкомъ, Ренанъ—тонкій сибаритъ мысли, гастрономъ религіознаго чувства. Достоевскому нуженъ Богъ съ его безконечностью и его жертвенникомъ, на который онъ готовъ въ изступленіи принести и самого себя, и матеріальные интересы народа, и правовые интересы общества, и всѣ плоды соціальной культуры, и самыя высокія и гуманныя мечты своей юности, подобно Аврааму, который не пожалѣлъ принести въ жертву Единому своего единаго сына; Ренану же нуженъ не Богъ, а только чувство вѣры, необходимое для его нравственнаго и интеллектуальнаго комфорта.

* * *

Благодаря, такъ сказать принципіальной безъидейности своей, благодаря полной эмансипаціи души отъ началъ убѣжденія, религіи и морали, декадентъ является наиболѣе свободнымъ изъ смертныхъ. Въ добрѣ и злѣ, въ подвигѣ и въ порокѣ его ничто не задерживаетъ: для него нѣтъ никакихъ предѣловъ, за которые онъ не могъ бы перешагнуть, никакихъ геркулесовыхъ столбовъ, за которые онъ не осмѣлился бы перейти. Безстыдный развратъ Верлэна, проповѣдывавшаго сладострастіе и даже отбывавшаго наказанье въ тюрьмѣ за нарушеніе нравственности, славословіе порока въ стихахъ Боделэра, безграничная разнузданность Готье—таковы первые шаги французскаго декаданса. Эти писатели уравнивали

пороки и добродѣтель предъ алтаремъ эстетики, увлекались парадоксальными теоріями о томъ, что прекрасное можетъ быть вездѣ, какъ въ хорошемъ такъ и въ дурномъ, воспѣвали сатану, любовались разлагающимися трупами и т. д. и т. д. Все это отчасти понятно, какъ крайности протеста противъ кристаллизующейся въ черезчуръ опредѣленныя и потому узкія формы моральной, эстетической и духовной жизни французскаго общества, но само по себѣ слишкомъ грубо, слишкомъ рѣзко для людей съ выработанной до послѣдней степени впечатлительностью, съ истонченными въ паутинки нервами и атрофированными мускулами. Они не способны переносить слишкомъ сильныхъ и потрясающихъ впечатлѣній; они больше наслаждаются музыкой ощущеній и поэзіей переживаемыхъ душевныхъ состояній. Поэтому ихъ готовность переходить за геркулесовы столбы почти всегда остается, въ сущности, только теоретической. Даже первые представители французскаго декаданса не застыли на своемъ пугающемъ мирныхъ буржуа поклоненіи дьяволу и отъ разнузданнаго скотскаго сладострастья (въ одномъ стихотвореніи Верлэнъ такъ и называетъ себя скотомъ и уличнымъ пьяницей) перешли къ болѣе возвышеннымъ настроеніямъ — до религіознаго включительно. Дальнѣйшая естественная эволюція декаданса, само собою разумѣется, должна еще болѣе отдалить его отъ пережитаго момента въ сторону болѣе утонченнаго, болѣе внутренняго и глубокаго.

Декадентъ въ любви, кромѣ типичной неустойчивости чувства, характеризуется болѣе всего тѣмъ, что цѣнитъ не грубыя ощущенія ея и не объектъ ея, а только игру иллюзій, навѣваемыхъ ею на душу. Въ его душѣ экстазъ восторга подернутъ легкой дымкой сомнѣнія. Его чувство никогда не бываетъ цѣльнымъ и всегда немного похоже на самообманъ. Когда онъ любитъ—онъ грезитъ на-яву, боясь проснуться. И чѣмъ ярче и роскошнѣе грезы этого морфиниста любви, тѣмъ страшнѣе для него возвратъ къ холодной и тусклой дѣйствительности сѣренькихъ будней. Отсюда высшій напряженный идеализмъ любви декадента. Но чистота его отношеній вытекаетъ не изъ чистоты и безпорочности его души, а изъ созерцательнаго характера его чувства, изъ фиктивности его любви къ женщинѣ. Лучше всего это декадентство любви выразилъ Апухтинъ въ стихотвореніяхъ „Подраженіе древнимъ.“ Нарисовавъ яркими штрихами привидѣвшуюся ему во снѣ нагую женщину, онъ въ заключительныхъ словахъ стихотворенія говоритъ ей:

И всю ночь рыдая, я молилъ боговъ:
Не тебя хотѣлъ я, а такихъ же сновъ!

Здѣсь даже простое физическое сладострастье пріобрѣтаетъ созерцательный оттѣнокъ и становится платоническимъ. Такое же декадентское отношеніе къ чувству обрисовывается и въ стихотвореніи „Минуты счастія,“ которыя поэтъ испытываетъ только на зарѣ любви—

Когда любви горячей слово
Растетъ на сердцѣ, какъ напѣвъ,
И съ языка слетѣть готово
И замираетъ, не слетѣвъ.

Первые проблески только-что зарождающейся любви даютъ безпредѣльно болѣе свѣтлыя, сильныя и захватывающія душу впечатлѣнія, чѣмъ всѣ последующіе моменты реальнаго обладанія. Непосредсредственныя натуры не могутъ остановиться на прекрасномъ предисловіи поэмы, не могутъ, какъ Іисусъ Навинъ солнцу, сказать растущей, развивающейся и увлекающей ихъ самихъ по опредѣленнымъ путямъ страсти: „Стой и не двигайся!“ Поэтому они не избавлены отъ сѣрыхъ сумерокъ гаснущаго чувства. Но декантъ, живущій грезой и не смѣшивающій ея съ дѣйствительностью, систематически наслаждается первымъ трепетомъ сердца. Начавши съ цинизма и порока, декадентство путемъ естественнаго развитія идетъ къ страстному обожествленію любви. Уже Габріэль д'Аннунціо—итальянскій послѣдователь школы—заставляетъ своего рефлектирующаго героя погружаться въ психологическія бездны страсти. Его любовь въ высшей степени индивидуализирована, слѣдовательно уже не развратна. Въ мистическихъ глубинахъ своихъ она соприкасается со стихіей смерти и тонетъ въ ней. Эротическая мистерія кончается прыжкомъ со скалы въ море, и весь романъ поэтому называется не торжествомъ любви, а „Тріумфомъ смерти“. Еще дальше отошелъ отъ грубаго и порочнаго эротизма первыхъ декадентовъ Метерлинкъ. Онъ преклоняется передъ безсознательными началами чувства. Въ любви онъ видитъ прежде всего великое таинство, говоритъ, что въ ней царитъ „правда болѣе таинственная и глубокая, чѣмъ правда матеріальная„. Онъ благовѣйно преклоняется передъ женщиной за то, что она ближе, чѣмъ мы, къ этой священной правдѣ, къ ея безсознательнымъ первоисточникамъ, а въ любви онъ молитвенно созерцаетъ творческую работу великихъ зиждительныхъ силъ. Характернѣе всего, что онъ такой же декадентъ, какъ и Верлэнъ, и Боделэръ, быть можетъ, да-

же сугубый. Вотъ во что преобразовалась въ его твореніяхъ путемъ естественной эволюціи дикая разнузданность его предшественниковъ. „Цвѣты зла“ неожиданно дали добрые плоды.

Что такое представляетъ собою декадентъ съ нравственный стороны въ болѣе широкомъ смыслѣ слова? Его моральная оцѣнка не должна быть слишкомъ суровой и односторонне-строгой. Господствующее среди нашихъ русскихъ декадентовъ подражательное сатанинство, копировка Боделэра въ разсказахъ о героиняхъ, порывающихся убить своихъ маленькихъ сестеръ, поиски прекраснаго въ извращенномъ и противоестественномъ,—представляетъ собою только случайное и болѣзненное отклоненіе въ сторону отъ того пути, которымъ должно идти человѣческое развитіе и сопутствующее ему художественное творчество. Моральный демонизмъ, половая извращенность, спиритическіе вызовы сатаны, истерическія радѣнія—это уже извращенія самого декаденства. Происхожденіе ихъ вполнѣ понятно: русскіе ученики начали съ подражанія французскимъ учителямъ, между тѣмъ какъ сами учителя вовсе не остановились на провозглашеніи зла и въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего творчества пошли совсѣмъ въ другую сторону. Безпутный Верлэнъ и воспѣвавшій „чернаго ангела безъ трона и славословій“ Боделэръ, оба они не нашли никакого удовлетворенія въ порокѣ и заплатили за свои исканія глубокою печалью и даже раскаяніемъ. Хотя при частой смѣнѣ и типичной неустойчивости настроеній покаянію ихъ едва ли можно придавать особенно важное значеніе, тѣмъ не менѣе нельзя же не слышать раздирающихъ стоновъ и воплей ихъ смертельной тоски по идеалу: „Протяжныя мелодіи осени разрываютъ мнѣ сердце однотонной грустью,—жалуется Верлэнъ.—Задыхающійся, блѣдный, я иногда вспоминаю прошедшіе дни и плачу, несомый куда-то по волѣ злого вѣтра“. „Я больше ничего не вижу, я утратилъ память о добрѣ и злѣ—о, грустная судьба! Я—колыбель, которую невѣдомая рука качаетъ въ подземельѣ. Молчаніе, молчаніе!“..

„Мрачный умъ, нѣкогда влюбленный въ борьбу,—обращается къ самому себѣ Боделэръ,—надежда не хочетъ болѣе поднимать тебя своими шпорами, ложись на землю безъ стыда, старый конь, спотыкающійся на каждомъ шагу. Смирись, мое сердце, и усни сномъ животнаго“.

Полная утрата духовной жизни, животный сонъ паралитика, безпросвѣтное и безсмысленное угасаніе въ неряшливомъ идіотизмѣ—вотъ и логически, и физіологически неизбѣжный конечный исходъ

этого направленія, исходъ, одно предчувствіе котораго вызывало естественную реакцію въ сердцахъ самихъ пѣвцовъ и проповѣдниковъ моральнаго демонизма. Противъ него одинаково страстно протестуетъ не только этика, но и эстетика, которая даже въ наиболѣе свободныхъ воспареніяхъ своихъ вовсе не такъ уже оторвана отъ нравственнаго чувства, какъ полагаютъ современные эстеты. Невольно приходитъ на память, что культъ демонизма царилъ нѣкогда и въ нашей поэзіи, но у Лермонтова онъ получилъ совершенно иную, несравненно болѣе широкую обработку. „Онъ дѣлалъ зло безъ сожалѣнія, и зло наскучило ему“—говоритъ поэтъ про своего Демона. Вся драма поэмы заключается въ томъ, что при видѣ красоты Тамары Демонъ отрекается отъ зла, которому служилъ, хочетъ сбросить съ себя его власть, хочетъ „любить, молиться, вѣровать добру“. Одно только чисто-эстетическое впечатлѣніе воскрешаетъ въ его душѣ цѣлый міръ нравственныхъ эмоцій. Нравственныя впечатлѣнія даютъ гораздо болѣе прочный, глубже поглощающій экстазъ, чѣмъ всякія оргіи сладострастія; поэтому тотъ, кто больше всего жаждетъ настроенія, быть можетъ, ближе всѣхъ другихъ къ мученичеству, къ подвигу и терновому вѣнцу. Если подъ декадентствомъ подразумѣвать господство настроеній, то оно никакъ не укладывается въ узкихъ рамкахъ сатанизма. Правда, оно лишаетъ своего адепта какихъ бы то ни было сознательныхъ руководящихъ началъ и принциповъ нравственности, предоставляя ему полную свободу поступать во всемъ по настроенію, но оно не предписываетъ ему непремѣнно скверныхъ настроеній и не обязываетъ во что бы то ни стало руководствоваться гнусными побужденіями: онъ можетъ поступать благородно, безкорыстно и возвышенно не по правиламъ и принципамъ, которыхъ у него нѣтъ, но по свободному влеченію натуры, которая надъ нимъ господствуетъ больше, чѣмъ надъ нами. Скептицизмъ снялъ съ его рукъ всякія оковы и путы, но это еще не значитъ, чтобы онъ толкалъ эти развязанныя руки на преступленія и убійства. Декадентъ можетъ быть и хорошимъ человѣкомъ, и величайшимъ изъ негодяевъ, по случайности своихъ душевныхъ качествъ, но вовсе не по принципамъ своего ученія. У декадента есть даже одинъ лишній шансъ на то, чтобъ быть скорѣе порядочнымъ человѣкомъ: созерцательное отношеніе къ жизни предполагаетъ извѣстную художественность натуры, усиленную впечатлительность къ красивому и безобразному. Низкіе поступки некрасивы, нрав-

ственная грязь возбуждаетъ эстетическую брезгливость. Тамъ, гдѣ нѣтъ сознательной этики, спасаетъ эстетика морали.

* * *

Декадентство пока еще не очень распространено, но не надо особенно утѣшаться этимъ, не надо забывать, что оно—болѣзнь вѣка, которая должна превратиться въ эпидемію. Декадентъ еще рѣдокъ, но онъ уже типиченъ, какъ герой наступающаго сезона. Сегодня онъ исключеніе, но,—кто знаетъ?—быть можетъ, завтра же или послѣзавтра его нездоровое настроеніе будетъ уже господствующимъ среди интеллигентной толпы. Декадентство—это вовсе не что-то единичное и случайное, не исключительно индивидуальное извращеніе, напротивъ того, оно есть нѣчто стихійное и всеобщее, занимающее весь небосклонъ мысли, надвигающееся надъ горизонтомъ всей жизни! Если пѣвцы его, какъ утверждаетъ Максъ Нордау, типичные дегенераты и упадочники, то здѣсь предстоитъ считаться съ упадочничествомъ всей европейской цивилизаціи, съ дегенераціею всего человѣческаго рода. Они—только первые вѣстники сумерекъ, предвѣщающіе близкое наступленіе темной ночи, передовые представители грядущаго вырожденія, къ которому приводятъ не алкоголизмъ, не голодъ, не болѣзнь, а естественный ходъ духовнаго развитія, цѣлостное проявленіе сознанія, требующее цѣли и смысла жизни, которая безъ удовлетворенія этихъ запросовъ начинаетъ казаться безцѣльной, безсмысленной и ненужной. Декадентство—это участь тѣхъ, кто живетъ, не найди смысла жизни, логическаго рѣшенія ея основныхъ вопросовъ, это—духовное разложеніе заживо, естественный конецъ оставшихся живыми самоубійцъ, несущихъ въ душѣ своей смрадъ и тлѣніе смерти.

Не слѣдуетъ забывать, что исторія мысли и преемственность переживаемыхъ нами міросозерцаній не противъ этого теченія, а скорѣе за него. Современная философская и научная мысль не уничтожила гнета пессимизма и предоставила человѣчеству переживать его, какъ оно знаетъ. Великіе пессимисты Байронъ и Леопарди проклинали безсмыслицу міра, великій скептикъ Гейне смѣялся надъ ней, а величайшій скептикъ Ренанъ совершенно примирился съ нею. Переживъ первый кризисъ міроваго разочарованія, человѣчество должно же было на чемъ-нибудь остановиться. Сначала оно вмѣстѣ съ Гейне иронизировало надъ безсмыслицей своихъ собственныхъ

чувствъ и отношеній, и хотя въ этой поэзіи горькаго смѣха и звучали еще болѣзненныя рыдающія нотки, но сравнительно съ сатанинскимъ хохотомъ Манфреда въ ней слышалось уже замѣтное смягченіе міровой скорби. Гейне еще мучился неразрѣшимыми міровыми вопросами, но уже не прочь былъ ущипнуть за розовую щечку подвернувшуюся подъ руку субретку. Ренанъ сочеталъ критическій умъ великаго скептика съ скромнымъ благочестіемъ патера, обзавелся всепримиряющимъ религіознымъ чувствомъ и широкимъ объективнымъ взглядомъ на міръ и устроился въ земной квартирѣ своей вполнѣ комфортабельно, со всѣми удобствами истинно вѣрующаго человѣка. Въ немъ чувствуется самый ясный, самый внутренно зрѣлый изъ европейскихъ умовъ прошлаго столѣтія. Рядомъ съ нимъ наиболѣе мрачные писатели и философы кажутся наивными юношами, позирующими своимъ отчаяніемъ. Въ его тонкой примиренной улыбкѣ гораздо больше смерти, чѣмъ въ самыхъ скорбно-страстныхъ монологахъ бурнаго, зеленаго, романтическаго пессимизма. Быть можетъ, основные вопросы бытія неразрѣшимы, жизнь безсмысленна, мысль безсильна, но обо всемъ этомъ можно забыть и, благоговѣйно удивляясь стройности мірозданія, благодарить Творца, за любопытную „прогулку въ міръ" болѣе чудный, чѣмъ даже сказочные сады Семирамиды. И кто скажетъ, гдѣ больше истины: въ вопляхъ ли Леопарди, въ горькихъ сарказмахъ Гейне или въ религіозно-философскомъ эпикуреизмѣ Ренана? Всѣ протесты раціоналистическаго пессимизма раздаются во имя разума и логики, но разумъ по самой природѣ своей всегда холоденъ и безстрастенъ, а логика безразлична. Объективная истина, которая была бы выраженіемъ только одного разума и его логики, оказалась бы одинаково далекой и отъ негодующей скорби, и отъ веселаго разочарованія, и отъ самодовольнаго уравновѣшеннаго спокойствія,—ей одинаково чужда всякая игра чувства. Она не рыдаетъ, не смѣется и не поглаживаетъ себя по чреву. Во всѣхъ подобныхъ настроеніяхъ, хотя бы онѣ начинались съ самыхъ отвлеченныхъ размышленій о цѣли всего сущаго, нельзя не видѣть вмѣшательства чувства и игры страстей. Но если все это не выводы ума, а миражи и призраки нашихъ чувствъ, то не лучше ли, не умнѣе ли остановиться на настроеніяхъ менѣе тяжелыхъ и мрачныхъ? Быть можетъ, болѣе всего не только житейскаго благоразумія, но и объктивной послѣдовательности не въ бѣшеныхъ протестахъ и мефи-

стофельскихъ издѣвательствахъ надъ жизнью, а именно въ примиренномъ скептицизмѣ, конечно, не такомъ самодовольномъ и ублаготворенномъ, какъ міронастроеніе Ренана, но во всякомъ случаѣ тихомъ и спокойномъ, какъ послѣдній вздохъ умирающаго съ миромъ раба Господня. Мертвый Ренановскій скептицизмъ застылъ въ неподвижномъ самолюбованіи, онъ ограниченъ слишкомъ узкими рамками эгоистическаго индивидуализма. Если онъ не даетъ достаточнаго повода къ самоубійству, то не оставляетъ и достаточнаго стимула къ энергичной жизненной работѣ, къ борьбѣ и труду. Онъ несетъ съ собою убыль нравственнаго и сознательно-активнаго начала жизни, леденящее дыханіе Нирваны, смерть воли, предшествующую смерти рода. Декадансъ въ его прогрессивныхъ теченіяхъ представляетъ собою столь же логическую, но несравненно болѣе жизнедѣятельную варіацію. Живя настроеніями, онъ не отрекается отъ жизни, не отгораживаетъ себя отъ своей страны, отъ народа, отъ общественной борьбы, но, напротивъ, живетъ „всѣмъ біеніемъ сердца, всѣмъ огнемъ страстей"... хотя бы мертваго сердца, хотя бы угаснувшихъ страстей. Онъ стоитъ на болѣе широкой дорогѣ и какъ бы говоритъ намъ: „Пусть весь внѣшній міръ только сонмъ призраковъ, пусть жизнь только безконечная смѣна оживляющихъ пустыню миражей, — живое человѣчество должно взять свою долю счастья съ галлюцинацій и прекрасныхъ призраковъ жизни, по примѣру великаго мудреца и отрицателя доктора Фауста, знавшаго и любовь къ женщинѣ, и страсть къ познанію, и святой энтузіазмъ скромнаго труда во имя общественнаго блага". Декадентство предоставляетъ полную свободу отдаваться увлеченіямъ наиболѣе свѣтлымъ, чистымъ и возвышеннымъ. Утонченность развитія не только не имѣетъ ничего общаго съ болѣзненными извращеніями, но, напротивъ, стремится придать эстетическому и нравственному элементу еще большую власть надъ сердцемъ, потому что онъ безконечно расширяетъ діапозонъ внутренней жизни человѣка. Перерождается только внутренняя природа всѣхъ этихъ стимуловъ, утрачивается ихъ реальность, люди начинаютъ жить не дѣйствительностью, а грезами, но и въ грезахъ они ищутъ все той же красоты, которой искали въ смутной дѣйствительности. Этотъ заключительный аккордъ современныхъ міронастроеній еще не нашелъ полнаго и яркаго выраженія въ поэзіи и отразился въ ней только случайными блестками. Такъ, въ одномъ изъ своихъ грустно-задумчи-

выхъ и загадочно-глубокихъ стихотвореній Лермонтовъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы „забыться и заснуть“, но не „холоднымъ сномъ могилы“, а тѣмъ, полнымъ чарующихъ грезъ, сномъ дѣйствительности, при которомъ

Въ душѣ дрожали бъ жизни силы
И дыша вздымалась тихо грудь...

Припомните все стихотвореніе, вслушайтесь душою въ эти чудныя строфы: о чемъ говорятъ онѣ? Поэтъ хочетъ не жизни, а только сладкихъ сновъ жизни, не любви, а только пѣсенъ о любви.

Вотъ истинная поэзія конца! За отсутствіемъ положительной истины жизни скептическому человѣчеству только и остается, что призрачная жизнь иллюзій. Ихъ причудливая игра если и не освѣтитъ поглотившей весь реальный міръ великой Тьмы Непознаваемаго, то все же хоть наполнитъ гнетущую пустоту, отдѣляющую моментъ прозрѣнія отъ забвенія смерти. Дряхлые своею мудростью люди, утрачивающіе непосредственность чувства, начинаютъ все больше и больше томиться темной и непостижимой дѣйствительностью и могутъ существовать, лишь освобождаясь изъ подъ ея власти въ качествѣ какихъ-то матеріализированныхъ призраковъ своего собственнаго воображенія. Пока они жили реальною жизнью, она томила ихъ душу тяжестью неразрѣшимой загадки, давила своею безцѣльностью, но, глядя на нее, какъ на красивый вымыселъ, они уже не испытываютъ мучительнаго томленія—и въ этомъ самая свѣтлая, почти розово-оптимистическая сторона того рѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“, которое несетъ съ собою движеніе нашихъ дней, именуемое декадентствомъ. Оно открываетъ возможность жить художественнымъ созерцаніемъ жизни. Любовь, красота, поэзія, въ которую претворяется все, сохраняютъ свое обаяніе надъ холодѣющими сердцами человѣчества, медленно приближающагося къ назначенному ему предѣлу. Можно думать, что золотые сны жизни, ея высокія обаянія переживутъ самую жизнь на землѣ, какъ видимый свѣтъ угаснувшихъ звѣздъ надолго переживаетъ померкнувшія въ безконечномъ отдаленіи свѣтила. Вся декадентская поэзія есть именно такой обманчивый свѣтъ угасанія.

Такова философія, таково жизнеученіе самаго прогрессивнаго теченія декаданса. Оно полно тихой грусти и примиренной печали. Оно, быть можетъ, и не открываетъ широкихъ перспективъ жизни, но и не закрываетъ ихъ, подобно песси-

мизму, наглухо, какъ могильщикъ крышку гроба надъ умершимъ. Оно несетъ съ собой ту внутренно-просвѣтленную любовь къ жизни, глубоко-синтетичную и объективно-созерцательную, свободную отъ всего узкаго, мелкаго и случайнаго, которую чувствуютъ глубокіе старцы и геніальные поэты. Въ этомъ настроеніи есть какая-то гармоническая ясность, которая совмѣщаетъ въ себѣ возможность плодотворной работы для жизни, и пока еще смутное провидѣніе ея грядущаго конца.

* * *

Но есть и другое теченіе въ декадентствѣ, еще болѣе свѣтлое и оптимистическое. Оно не содрогается передъ тьмой непознаваемаго, но созерцательно и благоговѣйно всматривается въ его чарующія глубины. Самымъ виднымъ представителемъ этого теченія остается до сихъ поръ Метерлинкъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ: „Глубокая жизнь", „Жизнь пчелъ", „Невидимая доброта" и пр. Отрекшись отъ раціонализма, онъ погрузился въ свои внутреннія настроенія и обрѣлъ тамъ выходъ изъ заколдованнаго круга раціоналистическихъ противорѣчій. Онъ похожъ на того утопленника, который на днѣ моря отыскалъ цѣлые подводные города и зажилъ вновь ихъ таинственною жизнью. О немъ самомъ можно сказать то же, что онъ говоритъ про одного мистика: „Его мысли едва отдѣляются отъ молчанія, изъ котораго родятся и въ которомъ стремятся растаять". Онъ открываетъ читателю цѣлый міръ неосязаемыхъ реальностей, опираясь при этомъ на безчисленныя свидѣтельства нашего собственнаго опыта, пишетъ о томъ неуловимомъ и неизреченномъ, что каждый многократно наблюдалъ и переживалъ, но не умѣлъ только формулировать и запечатлѣть въ своемъ колеблющемся сознаніи. Читая его произведенія, вы убѣждаетесь, что кромѣ мистицизма вертящихся дервишей и опьяненныхъ постомъ галлюцинантовъ-предсказывателей, какъ Сведенборгъ, Товянскій и пр., возможенъ еще мистицизмъ строго-реальный, основанный на болѣе широкомъ воспріятіи дѣйствительности: чтобы постичь его, не нужно ни гашиша, ни изступленнаго самоистязанія, ни радѣній, достаточно только немного вдумчивости и самоуглубленія. Поэзія Метерлинка даетъ намъ совершенно новое разумѣніе жизни, а слѣдовательно она включаетъ въ себѣ цѣлую философію. Скажутъ, что эта философія не нова, что еще въ семидесятыхъ годахъ въ Европѣ гремѣла философія „безсознательнаго" Эдуарда фонъ-Гартмана, представлявшая собою въ свою очередь развитіе

идей скорбнаго философа начала вѣка — Артура Шопенгауера. Но не говоря уже о томъ, что въ своихъ попыткахъ діалектическаго развитія идеи „безсознательнаго“ и Шопенгауеръ, и Гартманъ выходили далеко за предѣлы этого начала, между упомянутыми философами и Метерлинкомъ остается та существенная разница, что они только разсуждаютъ о „безсознательномъ“, а онъ заставилъ насъ почувствовать это „безсознательное“; для нихъ оно было отвлеченнымъ принципомъ, логически разработанной теоріей, а онъ превратилъ его въ методъ сверхлогическаго познанія, открывающаго за предѣлами видимаго міра явленій міръ неосязаемыхъ сущностей.

„Границы мысли,—говоритъ Метерлинкъ,—находятся далеко за предѣлами разума“. „Не только на небесахъ и на землѣ, но даже и въ насъ самихъ заключено болѣе тайнъ, чѣмъ сколько могутъ выразить всѣ философіи; и съ той минуты, какъ мы больше не обязаны формулировать свое таинственное содержаніе, мы становимся глубже всего, до сихъ поръ написаннаго“. „Ребенокъ, который молчитъ, въ тысячу разъ мудрѣе Марка-Аврелія, который говоритъ“. „Развѣ есть поступокъ человѣческій, котораго послѣдняя движущая сила не была бы мистической? Взоръ возлюбленнаго или матери, не въ тысячу ли разъ онъ темнѣе, непроницаемѣе и мистичнѣе, чѣмъ самая мистическая книга?“. Въ насъ есть „нѣчто, безконечно болѣе могущественное и глубокое, чѣмъ мысль“, темное внутреннее знаніе, зачарованный кладъ, уходящій глубже въ землю при каждомъ ударѣ заступа. „Мы не властны надъ этими невѣдомыми дарами и постоянно обнаруживаемъ въ себѣ пророка, лишеннаго дара слова“. „Мы живемъ такъ далеко отъ себя, что не видимъ почти ничего изъ того, что происходитъ на горизонтѣ нашего существованія“. Въ тысячѣ случаевъ сознаніе служитъ лишь орудіемъ для исполненія безсознательно родившихся желаній. Въ темной области безсознательнаго заранѣе предрѣшены основные вопросы реальной жизни. Весь процессъ послѣдней, строго говоря, внѣсознателенъ или, вѣрнѣе, онъ направляется внутреннимъ интуитивнымъ знаніемъ. Эту мысль Метерлинкъ иллюстрируетъ множествомъ разбросанныхъ по отдѣльнымъ страницамъ примѣровъ. Вотъ ребенокъ, съ первой встрѣчи съ вами инстинктивно угадывающій, что вы за человѣкъ. Вотъ оскорбленный, пришедшій убить оскорбителя и при видѣ его неожиданно мѣняющій свое рѣшеніе подъ вліяніемъ неуловимыхъ впечатлѣній. Почему вамъ нужно обще-

ство? Вы прослушали нѣсколько самыхъ поверхностныхъ замѣчаній и ушли домой съ чувствомъ удовлетворенія на душѣ. Вамъ нужны были не эти безсодержательные разговоры, а люди, которые ихъ вели. Быть можетъ, въ то время, когда вы обмѣнивались ничего незначащими репликами незримыя души вели неслышный разговоръ и разстались насыщенныя общеніемъ. Не разумъ регулируетъ отношенія между людьми, не онъ соединяетъ насъ со вселенной. Мы во всемъ чувствуемъ на себѣ „могущество умершихъ и власть тѣхъ которые еще не родились“—таинственную жизнь вида, тайны которой не вмѣщаются въ индивидуальномъ сознаніи. „Мы даже любимъ не для самихъ себя и въ самомъ храмѣ любви слѣпо повинуемся неизмѣннымъ велѣніямъ невидимой толпы. Когда выбираемъ нашу возлюбленную, мы живемъ за тысячу вѣковъ отъ себя самихъ“, покорно прислушиваясь къ голосу инстинктовъ, унаслѣдованныхъ отъ отдаленнѣйшихъ предковъ. „Первый поцѣлуй жениха есть ничто иное, какъ печать, которую тысячи рукъ молящихъ о рожденіи младенцевъ налагаютъ на уста избранной ими матери“. „Мертвые не умираютъ, они обитаютъ не только въ склепахъ, но и въ нашихъ домахъ, во всѣхъ нашихъ привычкахъ. Ни одинъ жестъ, ни одна мысль, ни одна слеза, ни одинъ грѣхъ или атомъ пріобрѣтеннаго сознанія не теряется въ тайникахъ земли, и при каждомъ нашемъ поступкѣ наши предки встаютъ не въ своихъ гробницахъ, а въ глубинѣ насъ самихъ“... „Нами руководитъ и прошедшее, и будущее“. Нѣкогда человѣкъ зналъ только однѣ эти силы, но сознаніе, развиваясь, заслоняетъ собою темныя стихіи безсознательнаго. По мѣрѣ роста знаній увеличивается вокругъ насъ область необъяснимаго. Съ каждымъ шагомъ впередъ наше невѣдѣніе становится глубже. „Мы ищемъ знанія, чтобы научиться незнанію“ и „растемъ по мѣрѣ того, какъ растутъ тайны, насъ отягчающія“. Гнетущее бремя ихъ можетъ снять съ нашихъ душъ одна лишь мистика, которую Метерлинкъ зоветъ „разумомъ будущаго“. Его мистицизмъ заключается въ расширеніи воспріятій безсознательнаго. Строго говоря, наука формулируетъ только правду зрительную, работу нашихъ внѣшнихъ пяти чувствъ, и потому она односторонняя. На смѣну ей или, вѣрнѣе, въ помощь ей должно выступить познаніе всѣми ощущеніями; разумъ будущаго охватитъ итоги внутренняго опыта съ его интуитивными откровеніями и озареніями, въ нѣдрахъ которыхъ рождаются понятія о времени и пространствѣ, предшеству-

ющія всякому внѣшнему опыту. Метерлинкъ создаетъ цѣлую философію и этику самоуглубленія. „Развѣ необходимо,—спрашиваетъ онъ,—чтобы на вашихъ рукахъ умирала ваша мать, чтобъ буря унесла вашихъ дѣтей или чтобы вы сами прошли мимо смерти для того, чтобы вы поняли, наконецъ, что живете въ мірѣ непостижимомъ? Если бы у васъ были открыты глаза, развѣ вы не могли бы замѣтить въ поцѣлуѣ того, чему теперь научаетъ васъ только катастрофа?.. Если вы глубоко любили, то и безъ чужого указанія знали, что душа ваша нѣчто столь же великое, какъ міръ, что звѣзды, цвѣты, волны ночи и морей не одиноки, что ничто не кончается, но все начинается на порогѣ явленій... Но развѣ нельзя жить такъ, какъ будто бы мы вѣчно любили?“. Онъ старается открыть человѣчеству глаза на таинство и красоту самаго обыденнаго въ жизни. „Всѣ силы неба и земли,—говоритъ онъ,—поддерживаютъ порогъ, у котораго двое сосѣдей бесѣдуютъ о падающемъ дождѣ или поднявшемся вѣтрѣ“. Въ глубинѣ своихъ настроеній онъ почерпнулъ слѣдующія слова: „Надо жить, потому что нѣтъ часовъ безъ внутренняго чуда, безъ неизреченнаго значенія!“. Эти настроенія складываются въ его душѣ въ живую мораль, глубоко-реальную, и въ то же время мистическую, потому что она опирается только на внутренній опытъ, а не на внѣшній, и совершенно свободную отъ грубой миѳологіи хотя бы того же В. С. Соловьева, который сочеталъ въ своемъ діалектическомъ мистицизмѣ самыя отвлеченныя идеи съ реальнымъ фетишизмомъ до видѣній чорта включительно. Какъ бы на смѣну религіи вѣрующихъ рождается религія мыслящихъ, столь же мистическая и богопреклоненная, но свободная отъ тѣхъ грубыхъ суевѣрій, которыя родились изъ доисторическаго невѣжества и оскорбляютъ сколько нибудь критическій умъ. „Все, что съ нами случается,—поучаетъ Метерлинкъ,—божественно велико, и мы всегда находимся въ центрѣ величественнаго міра. Но надо пріучить себя жить подобно только что родившемуся ангелу, любящей женщинѣ или мужу въ минуту смерти. Если бы вы знали, что въ этотъ вечеръ умрете или просто отойдете навсегда, развѣ вы смотрѣли бы въ послѣдній разъ на людей и окружающее такъ же, какъ смотрѣли на нихъ до этого дня? Развѣ не полюбили бы такъ, какъ еще никогда не любили? Вы пріобрѣли бы даръ замѣчать красоту. Развѣ не преобразовалось бы все, включая зло и страданіе, въ любовь, полную нѣжныхъ слезъ?“. Для того, чтобы душа наша стала

мудрой и глубокой, нужно „взглянуть на вселенную въ тѣни смерти или вѣчности, въ радости или пламени красоты и любви“. Съ того момента какъ мы увидимъ истинную жизнь, она уже становится для насъ иною. Поэты часто указываютъ намъ безконечно прекрасное въ будничномъ, потому что они болѣе внимательны къ „нескончаемой тѣни“. „Въ сущности, высокая поэзія не имѣетъ иной цѣли, какъ держать открытыми великіе пути, ведущіе отъ видимаго къ невидимому“.

Идеалъ и вѣнецъ этики Метерлинка заключается въ мистически-осязаемомъ „единствѣ всѣхъ существъ“. „Въ настоящее время,—цитируетъ онъ Новалиса,—душа просыпается тамъ и сямъ; когда же она совсѣмъ проснется и человѣчество начнетъ сознавать себя въ массѣ?“. Чувство внутренняго единства составляетъ основу всякой любви. „Быть можетъ, мы еще не знаемъ, что выражается словомъ любить. Въ своей внутренней жизни мы любимъ, сами того не сознавая. Такъ любить не значитъ только жалѣть, всецѣло жертвовать собой желать помочь и дѣлать счастливымъ—это нѣчто въ тысячу разъ болѣе глубокое, чѣмъ могли бы выразить человѣческія слова, самыя нѣжныя, проворныя и сильныя“. Онъ вѣритъ въ то, что въ „нашихъ душахъ живетъ и царитъ эта незримая и неизреченная любовь, но все несчастіе нашего существованія заключается въ томъ, что мы живемъ въ сторонѣ отъ нашей души и боимся малѣйшихъ ея движеній. Если бы мы позволили ей откровенно улыбаться въ ея молчаніи и свѣтѣ, мы жили бы уже вѣчной жизнью“.

Наблюденія надъ жизнью пчелинаго улья заставляютъ его погружаться въ мистику общественнаго инстинкта.

„Богъ, Которому служатъ пчелы, но Котораго мы еще не познали достаточно,—говоритъ онъ,—это будущее“. „Онѣ хотятъ жить въ потомствѣ такъ же долго, какъ земля. Но какова же цѣль этой великой цѣли и миссія этого вѣчно возобновляемаго существованія?“. „Мы сотворены такъ, что насъ ничто не удовлетворяетъ, ничто не кажется намъ цѣлью въ самомъ себѣ“. Какъ бы не рѣшали объ этомъ люди, „жизнь въ ульѣ пчелъ разсматривается не какъ рядъ часовъ наслажденія, которые не надо омрачать, но какъ великій общественный долгъ, строго раздѣленный относительно будущаго, отодвигающагося все впередъ и впередъ отъ начала міра“. „Мы чувствуемъ въ себѣ безсознательныя силы, борящіяся съ требованіями разума. Слѣдуетъ ли, чтобы умъ, заключенный въ циклѣ своего развитія, какъ въ закол-

дованномъ кругу, и не нашедшій выхода, все таки брался бы рѣшать вопросы жизни?“. Работа пчелъ оживотворяетъ природу и даетъ внутреннее разумѣніе ея сокровенныхъ и лучшихъ часовъ. Онѣ— живая радость лѣта, рожденная въ лучахъ свѣта и тепла, дающая высшее пониманіе вопросовъ соціальной этики и нравственной философіи. „Если все въ мірѣ матерія, то въ эволюціи пчелинаго сознанія мы подстерегаемъ матерію самую нематеріальную“. „Идея братства проникаетъ преграду, раздѣляющую два міра“. Пчелы учатъ насъ, что всякій процессъ есть результатъ жертвы частнымъ во имя общаго, жертвы, все болѣе и болѣе полной и всеобъемлющей, радостной и не протестующей. Нравственный инстинктъ, даръ самопожертвованія, доброта, самосозерцающая мысль, разсудокъ, интеллектъ—это самое драгоцѣнное состояніе, до котораго могла подняться матерія. Мы будемъ исполнять лежащую на насъ органическую обязанность и отдадимъ ему, этому многоименному началу, „все, чего оно потребуетъ отъ насъ, не зная, кто воспользуется мозговой силой, которую мы вводимъ во вселенную.“ Пока еще многое для насъ темно и неясно, но Метерлинкъ вѣритъ, что „наступитъ моментъ, когда все будетъ такъ естественно и просто для ума и подчинено доброй волѣ реальнаго человѣческаго долга“.

* * *

Изъ этихъ двухъ главныхъ и прогрессивныхъ теченій декадентства одно болѣе раціональное и грустное, другое болѣе мистическое и вѣрующее. Раціоналистическое теченіе грѣшитъ тѣмъ, что на самый фактъ возникновенія сознанія въ природѣ оно принуждено смотрѣть, какъ на слѣпую и безсмысленную случайность. Оно вѣрно себѣ, но и ограничено собою. Концепція мистическаго теченія несравненно шире, но она находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ логическими элементами человѣческой психики. Какое изъ этихъ теченій возобладаетъ въ будущемъ, предугадать трудно, особенно если первое обрѣтетъ такого же геніальнаго представителя, какимъ для второго явился Метерлинкъ. Во всякомъ случаѣ можно съ достовѣрностью сказать, что въ декадентствѣ, которое есть результатъ глубокаго кризиса логической мысли, уже произошелъ смутный переломъ раціоналистическаго пессимизма. Кризисъ этотъ назрѣвалъ давно, но оставался скрытымъ вслѣдствіе недоразвитости господствующихъ міросозерцаній. Въ попыткахъ освѣтить горизонтъ жизни мысль близко соприкасается съ волей соз-

нательнаго человѣческаго существованія; своими положительными идеалами она вдохновляетъ и направляетъ живую волю, а своими отрицательными выводами убиваетъ ее. Невольно возникаетъ вопросъ: какія изъ существующихъ и существовавшихъ міровозрѣній даютъ нравственное право жить? Напримѣръ, позитивисты и раціоналисты, къ сонму которыхъ принадлежатъ наши авторитетнѣйшіе учителя, могутъ жить только благодаря недодуманности своихъ основныхъ принциповъ и непослѣдовательности въ примѣненіи своихъ методовъ мышленія. Если сами они умѣли обходиться безъ глубокой критической провѣрки своихъ догматовъ, то все же господство ихъ ученій тяжело отражалось на болѣе отзывчивыхъ и впечатлительныхъ юношахъ, многіе изъ которыхъ заплатили трагическою кончиною за дефекты современной философіи. Чтобы пріобрѣсти право жить и работать, человѣчество должно было прежде всего усомниться въ непреложномъ авторитетѣ логическаго разсудка и, обратившись къ настроенію, увѣровать въ высшую мудрость безсознательнаго и сверхразумнаго. Въ этой фазѣ своего развитія декадентство, рожденное безнадежнымъ пессимизмомъ, дѣлаетъ въ лицѣ Метерлинка крутой поворотъ къ самому свѣтлому оптимизму. Изъ поэзіи вырожденія оно превращается въ поэзію возрожденія. Метерлинкъ вступаетъ въ борьбу съ растущей стихіей логическаго разума, „подобно Якову, боровшемуся во снѣ съ Самимъ Богомъ". Выйдетъ ли онъ побѣдителемъ? Могутъ ли люди подавить въ себѣ разсудочное начало, которое одно только рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ всего остального зоологическаго міра? Даже чувствуя надъ собою вѣяніе великаго, сверхразумнаго Божественнаго Промысла, господствующаго надъ его жизнью, будетъ ли въ силахъ человѣкъ отречься отъ своего скорбнаго, вѣчно бунтующаго, гордаго въ самомъ безсиліи своемъ логическаго „я", отъ своего субъективно-человѣческаго мѣрила и пониманія, чтобы купить блаженство нравственнаго успокоенія и вѣры въ абсолютное? Удастся ли кому-нибудь погасить огонь Прометея или этотъ похищенный съ небесъ огонь, жгущій и терзающій наши сердца столько тысячелѣтій безжалостнѣе всѣхъ коршуновъ кавказской скалы, самъ сдѣлается орудіемъ божественной казни и пожретъ все потомство преступнаго похитителя, какъ сѣрный огонь испепелилъ Содомъ и Гоморру? Въ чемъ бы мы ни искали исхода: въ экстазѣ ли братской любви, какъ Л. Толстой, въ мистическихъ ли воспріятіяхъ и безсознательныхъ состояніяхъ души,

какъ Метерлинкъ, нельзя забывать, что врагъ нашъ крѣпнетъ съ каждымъ поколѣніемъ. Пчеламъ, живущимъ только слѣпымъ истинктомъ, гораздо легче самоотверженно работать для Великаго Неизвѣстнаго, чѣмъ человѣку, уже испорченному скверной привычкой знать и требующему отъ каждаго своего поступка ясно сознанной цѣли.

Пусть разумъ умеръ, пришелъ къ самоотрицанію—придется считаться съ властными и могучими инстинктами разума. Чѣмъ больше развивается интеллектъ, тѣмъ рѣзче и тяжелѣе чувствуются скрытыя въ нѣдрахъ его противорѣчія, тѣ непримиримыя антиноміи Канта, въ основѣ которыхъ лежитъ понятіе безконечности, непостижимое для конечнаго ума. Мы не можемъ мыслить ни абсолютно малаго, котораго нельзя было бы раздѣлить, ни абсолютно большого, котораго нельзя было бы увеличить. Поэтому всѣ основныя понятія: объ атомѣ, о пространствѣ вселенной, о движеніи, о первой причинѣ, о послѣдней цѣли всего сущаго, должны оставаться для насъ въ самыхъ корняхъ своихъ непостижимыми. Разъ цѣпь причинъ и цѣлей безконечна, то всякая первопричина будетъ уже безпричинной, а всякая конечная цѣль—безцѣльной. Съ безпричиннымъ не можетъ помириться нашъ умъ, съ безцѣльнымъ не можетъ примириться наша сознательная воля, которая въ каждомъ дѣйствіи привыкла руководствоваться какою-нибудь цѣлью. Поскольку всѣ остальныя антиноміи носятъ только теоретическій характеръ, постолько послѣдняя вонзается въ самое сердце практической жизни и убиваетъ ее.

Въ этой стадіи самоотрицаніе разума переходитъ въ отрицаніе жизни. Условія быта, самая борьба за существованіе, естественный и историческій подборъ—все неизмѣнно ведетъ къ прогрессу интеллекта, а слѣдовательно и къ усиленію его смертоноснаго вліянія. Такимъ образомъ, человѣчество въ самомъ себѣ раститъ сѣмя своей гибели. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ общебіологическомъ законѣ вымиранія видовъ, дошедшихъ до предѣловъ развитія своего типа, исчерпавшихъ свою идею. Наиболѣе быстро прогрессирующій „первый позвонокъ“ человѣческаго скелета растетъ и развивается на счетъ другихъ органовъ, нарушаетъ своимъ неравномѣрнымъ развитіемъ гармонію функцій организма и заставляетъ провидѣть въ будущемъ исчезновеніе человѣчества, какъ вида. Доведя до высшей степени совершенства свою типично видовую черту,—развитіе интеллекта—оно тѣмъ самымъ придетъ къ уничтоженію и смерти, источники которой

таятся въ этомъ совершенствѣ. Быть можетъ, частичные примѣры такого естественнаго вымиранія культурныхъ расъ уже бывали въ исторіи. Всѣ зрѣлыя цивилизаціи умирали. Не потому ли, что приходили къ выводамъ, которые не въ силахъ были пережить? Умерла прабабка греческой и среднеевропейской культуры—Ассирія съ ея чудесами архитектуры, умеръ древній старецъ Египетъ, оставившій послѣ себя мертвыя глыбы пирамидъ и загадочныхъ сфинксовъ... Подобно тому, какъ египетская цивилизація закончилась улыбкою сфинкса, тайну которой еще не могутъ понять люди нашей молодой культуры, такъ индійская закончилась идеаломъ Нирваны. Европейская цивилизація, повидимому, идетъ по тому же слѣду, приходитъ къ тѣмъ же идеаламъ. Разница между нею и ея предшественницами въ томъ, что она безконечно демократичнѣе и универсальнѣе ихъ. И въ Египтѣ, и въ Индіи знаніе было привилегіею касты, поэтому, когда цивилизація умерла вмѣстѣ съ ея носителями, народы и племена, на хребтахъ которыхъ она выросла, какъ бы вернулись къ своему первобытному полудикому, полуживотному состоянію. Тамъ, гдѣ была Ниневія, бродятъ номады и на засыпанныхъ развалинахъ дворцовъ пасутъ свои стада. По берегамъ Нила живутъ потомки египтянъ—феллахи, не понимающіе іероглифовъ своихъ предковъ, безконечно далекіе отъ почившей мудрости прошлаго. Другое дѣло у насъ. Наша цивилизація не ограничивается ни кастами, ни племенами—она стремится завоевать всѣ страны, всѣ материки, стать принадлежностью всѣхъ классовъ, всѣхъ людей. Она отличается даромъ широкаго разлива. Вмѣстѣ съ демократизаціею жизни происходитъ и демократизація знанія, а демократизація знанія подготовляетъ къ массовому распространенію пессимизма. Придетъ время, когда міровая скорбь будетъ общечеловѣческой и всенародной и зальетъ землю новымъ всемірнымъ потопомъ. Но каковы бы ни были конечныя итоги развитія, живой человѣкъ всетаки будетъ работать для развитія. Онъ не можетъ быть только пассивной жертвой прогресса, но неизбѣжно долженъ сдѣлаться и его сознательнымъ поборникомъ. Его стремленія и вѣрованія будутъ такими же, какова будетъ его судьба. Проникновенная мистика Метерлинка не можетъ измѣнить предначертаннаго самою духовною природою пути, потому что она безсильна убить разсудочный инстинктъ цѣлесообразности. Существо разумное получаетъ право на жизнь не цѣною отреченія отъ разума, а во имя

служенія его окончательному торжеству. Роковое для судебъ человѣчества непримиримое противорѣченіе между потребностью конечной цѣли и необходимостью подчиненія ее безконечному ряду другихъ цѣлей, безъ чего сама она тотчасъ же дѣлается безцѣльной и безсмысленной, разрѣшается логически только въ томъ случаѣ, если этою конечною положительною цѣлью будетъ отрицательный идеалъ, то есть понятіе небытія. Это рѣшеніе кантовской антиноміи составляетъ самое умиротворяющее завоеваніе человѣческой мысли. Байронизмъ, обезкрыленный скептицизмомъ, міровая скорбь, заглушаемая буйнымъ хмелемъ жизни, декадентство, уходящее въ міръ видѣній и призраковъ,—все это различные, послѣдовательно смѣняющіеся, выразители вѣкового томленія міровой души, смутныя исканія и предчувствія исхода и разныя степени приближенія къ нему. Они завершатся созданіемъ новаго культа, діаметрально противоположнаго всѣмъ предшествовавшимъ и составляющаго рѣзкую грань въ духовной жизни міра. Когда положительною цѣлью существованія станетъ отрицательный идеалъ, тогда самое отрицаніе въ свою очередь перевоплотится въ нѣчто положительное. У поколѣній, болѣе близкихъ къ конечному результату эволюціи, выработается и иное отношеніе къ нему, чѣмъ у насъ, отдаленныхъ отъ него на цѣлые вѣка. Легкіе симптомы этого духовнаго переворота можно уловить уже и въ нашихъ сердцахъ. Вслушайтесь въ музыку: почти всѣ ея геніальныя произведенія полны поэзіей грусти и смерти. Ея мелодіи—это языкъ великихъ откровеній, замирающій въ сознаніи отголосокъ изъ тѣхъ таинственныхъ глубинъ, гдѣ логически примиряются противорѣчія жизни и смерти, страданія и наслажденія. Она успокоиваетъ печалью, умиротворяетъ мукой, обращаетъ слезы въбрилліанты, вздохи и рыданія—въ бетховенскія сонаты, въ шопеновскомъ march finebr самую смерть претворяетъ въ красоту, давая новое направленіе человѣческой волѣ, наполняя сердца томительно-сладкимъ желаніемъ небытія. Кто скажетъ: не есть ли эти смутныя, но уже такія властныя настроенія—пророческій отзвукъ грядущихъ событій міровой жизни? Эстетика указываетъ пути міровой эволюціи, какъ огненный столбъ указывалъ блуждающимъ въ пустынѣ евреямъ путь въ Землю Обѣтованную. То, что мы понимаемъ въ звукахъ мелодій, мы пока еще, быть можетъ, безсильны понять вь словахъ. Однако же, и теперь уже могущественный инстинктъ жизни не мѣшаетъ намъ съ особеннымъ чув-

ствомъ удовлетворенія любоваться грустнымъ закатомъ угасающаго дня, проникаясь печальною поэзіею вечернихъ настроеній, которыя и въ литературѣ, и въ музыкѣ, и въ живописи постепенно вытѣсняютъ утомительно-элементарную поэзію яркаго утра. Для скорбныхъ умовъ, не видящихъ никакого исхода, заблудившихся на рубежѣ двухъ смѣняющихся жизнепониманій,—прошлаго и будущаго—идея тихаго доживанія расы несетъ съ собою нѣчто глубоко-успокоительное и примиряющее: она дѣлаетъ ненужнымъ буйство индивидуальнаго самоубійства, мелкій протестъ личной смерти и открываетъ широкое поле сознательной работы во имя той естественной эволюціи, которая сама собою приведетъ томящееся безцѣльностью существованія человѣчество къ освобожденію отъ гнета безцѣльнаго существованія. Достигнуть этого освобожденія оно можетъ лишь *жизнь жизнью поправъ*, свершивъ весь циклъ развитія, пройдя весь кругъ бытія. Всеобъемлющее и гармоничное, свободное отъ внутреннихъ противорѣчій, дѣлающихъ несостоятельными всѣ остальныя системы міропониманія, это жизнеученіе съ развитіемъ человѣчества получитъ безраздѣльную власть надъ умами. Оно безконечно сильно тѣмъ, что даетъ примиряющій синтезъ жизни и смерти, безъ котораго невозможна сознательная жизнь смертныхъ. Безнадежно-скорбный и протестующій по своимъ исходнымъ положеніямъ, эволюціонный раціоналистическій пессимизмъ въ своихъ практическихъ выводахъ и завѣтахъ является наиболѣе оптимистическимъ, свѣтлымъ и безразладнымъ изъ всѣхъ сознательныхъ культовъ. Какъ бы ни были мрачны конечные идеалы, на всемъ многовѣковомъ пути къ ихъ достиженію нуженъ пріемственный трудъ множества поколѣній, неустанная и непрерывная работа, одухотворяемая идеею будущаго, радостная въ своей скорби, бодрая въ своемъ стремленіи къ вѣчному успокоенію, ясно-спокойная въ преходящихъ тревогахъ минующихъ дней. Тысячелѣтнему томленію человѣческаго духа, мятущагося въ заколдованномъ кругу проклятыхъ вопросовъ, наступитъ конецъ. Прозрѣвшимъ поколѣніямъ жизнь уже не будетъ казаться темной и безсмысленною, какой она неизбѣжно кажется намъ при всякой попыткѣ ея логическаго освѣщенія и оправданія въ силу неразрѣшимыхъ противорѣчій современной мысли; озаренная религіею самодавлѣющаго разума, она получитъ глубокій смыслъ великаго и торжественнаго служенія, тихаго подвига и познаннаго мірового призванія.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

С.-Петербургъ, Галерная ул., 27.

Выписывающіе у автора за пересылку не платятъ.

Въ книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“, Карбасникова, Попова, и Мелье** продаются брошюры того же автора:

Генрихъ Сенкевичъ, какъ психологъ современности. (публичная лекція) цѣна—30 коп.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ (біографическій очеркъ), цѣна—20 коп.